

Авторский эскиз
Ж. Трофимов
Иллюстрация
весна 2017 г.

Ленин-

Крупская-

Арманд

Любовный треугольник?

Жорес Трофимов

**ЛЕНИН -
КРУПСКАЯ - АРМАНД -
ЛЮБОВНЫЙ
ТРЕУГОЛЬНИК?**

Ульяновск

1992

Ж. Трофимов

ЛЮБОВНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК

Подписано в печать 13.12.92. Формат 60x84¹/₁₆. Бумага офсетная
Офсет. Усл. печ. л. 1,86. Усл. кр.-отт. 1,86+0,23.
Тираж 25000 экз. Заказ 4632.

Редакция «Народной газеты»
432700, г. Ульяновск, ул. Радищева, 1.

ГП облитипография «Печатный двор»
432061, г. Ульяновск, ул. Пушкарева, 13.

ЛЕНИН - КРУПСКАЯ - АРМАНД - любовный треугольник? Легенды и слухи с утвердительным ответом на этот вопрос давно витают в зарубежной литературе и в отечественном фольклоре. А в 1991 году в известной "Неделе" (№ 48), кажется впервые в нашей печати, приводились и такие кривотолки: "Говорили, говорили и по сей день говорят, что был у Инессы шестой ребенок, якобы от Ленина, и что один советский кинооператор своими глазами видел в Швейцарии могилу этого ребенка". Обозреватель еженедельника резонно заметил: "Неужели на могиле написано, что он - от Ленина?". Как к явно надуманной, отнесся он и к версии о том, что ребенок этот остался жив и даже работал переводчиком у Брежнева...

А 22 апреля 1992 года внесла свою лепту в копилку подобных слухов редактор "Симбирского курьера" А. Багдасарова. Оказывается, когда лет 15 назад она "услышала, что у Владимира Ильича есть дочь и что она даже приезжала в Ульяновск в год столетия со дня его рождения, правда, только как дочь Инессы Арманд", то сразу поверила в это. И пояснила, почему: "Потому что раньше, изучая работы Ленина по искусству, никак не могла понять, с чего бы это, гуляя, они с Надеждой Константиновной завернули во ВХУТЕМАС. Теперь стало понятно: ведь там училась дочь, и в первую свободную минуту заехал к ней узнать, как живет, чем питается, кто окружает ее. Вполне понятные отцовские чувства".

Хотя имя девушки не названо, но само собой здесь подразумевается младшая дочь И.Ф. Арманд - Варвара Александровна, ибо в семье только она была художницей.

Откровения А. Багдасаровой поданы в статье с пронзительно призывным заголовком: "Ради всего святого, говорите правду!". Так внесем же правду, в первую очередь, в этот эпизод. Во-первых, в обстоятельства, при которых Владимир Ильич и Надежда Константиновна попали в общежитие ВХУТЕМАСа. В воспоминаниях старшей дочери Инессы Федоровны Арманд - Инны Александровны Арманд они излагаются вовсе не так, как это представляется редактору "Симбирского курьера".

"В этот вечер (25 февраля 1921 года. - Ж.Т.), - рассказывала И.А. Арманд, - я пошла в Кремль навестить Надежду Константиновну. Мы сидели в ее комнате на квартире в Кремле и беседовали, когда зашел Владимир Ильич... В этот вечер, помню, он был оживлен и весел, расспрашивал меня, как я живу и работаю. Затем стал спрашивать о моей сестре, Варваре Александровне Арманд, тогда еще студентке Высших художественно-технических мастерских... Со слов сестры я стала уверять, что условия в общежитии хорошие и она ни в чем не нуждается. Владимир Ильич слушал меня довольно скептически, а потом неожиданно предложил Надежде Константиновне: "Давай, Надя, поедem навестить Варю и посмотрим, как молодежь живет". Было уже 11 часов вечера".

Для того чтобы правда о "прогулке" Владимира Ильича и Надежды Константиновны была полнее, следует помнить, что общежитие ВХУТЕМАСа находилось на

¹ Неделя, 1991, № 48, с. 15.

² Десатерик, В. Ленин: молодым продолжать борьбу. М., 1938, с. 129.

Мясницкой, около главпочтамта. Мог ли в морозную ночь прогуливаться в таком отдалении от Кремля глава советского правительства? Но главная, мягко говоря, оплошность А. Багдасаровой состоит в том, что она распространяет в массовой печати слухи, не удосужившись подвергнуть их элементарной проверке. Если бы журналистка заглянула в популярную литературу об И.Ф. Арманд, то сразу бы убедилась, что мнимая дочь Ленина Варвара родилась в 1901 году, то есть за 8 лет до того, как ее мать Инесса Арманд впервые в жизни увидела Владимира Ильича!

Наконец, замечу, что приезд дочери И. Арманд в Ульяновск, о котором вела речь А. Багдасарова, имел место не в юбилейном, а в 1968 году, и побывала здесь тогда проездом не выпускница ВХУТЕМАСа, а ее старшая сестра - Инна, 1898 года рождения... (А Варвара была в родном городе Ленина в 1924 году, когда проходила стажировку на суконной фабрике в поселке Барыш Симбирской губернии).

Широкий резонанс в средствах массовой информации последнего времени получили самые неместные высказывания доктора философских наук, народного депутата РСФСР генерал-полковника Д.А. Волкогонова о Владимире Ильиче. Возьмем лишь строки из интервью, появившегося в известном еженедельнике в конце 1991 года, касающиеся предмета нашего разговора: "Любил он в своей жизни, пожалуй, двух человек: свою мать и Инессу Арманд. Крупская же была для него просто удобна".¹

Мне, автору биографических книг о Владимире Ильиче и его родных, не составляет труда опровергнуть домыслы генерала-философа относительно ленинского отношения к ближним. Имеется немало неопровержимых свидетельств о том, что он любил не только мать, но и отца, и старшего брата, и сестру Ольгу, и брата Дмитрия, а Мария многие годы жила вместе с ним и Н.К. Крупской. Любимой была и няня Варвара Григорьевна, которая оставалась в семье Ульяновых до последнего часа своей жизни.

Что же касается утверждения Д. Волкогонова о втором предмете любви В.И. Ленина - Инессе Арманд, то в степени его правдивости каждый убедится сам при чтении предлагаемого очерка.

С ПРАВЕДЛИВОСТИ ради следует отметить, что кривотолки, слухи, легенды и мифы обычно возникают вокруг какой-то реально существующей подоплеки. Так, каждый вдумчивый и любознательный человек, читавший письма Владимира Ильича к Инессе Арманд, не мог не обратить внимания на то, какое большое место занимают они в его переписке. Достаточно сказать, что с именем этой большевички связано около 170 страниц только в 48-м и 49-м томах Полного собрания сочинений Ленина. Заметим также, что ни к кому другому из единомышленников он так часто не обращался, да еще по очень сложным вопросам и с самыми разнообразными просьбами и поручениями.

Примечателен и более интимный тон обращений и прощаний в части писем Владимира Ильича к И. Арманд, чем в переписке с другими товарищами по партии. Правда, душевно, со словами "дорогой" обращался он и к В. Карпинскому, К. Радеку, Г. Шкловскому и некоторым другим. Десятки писем и к Александре Михайловне Коллонтай начинались со слов: "Дорогая А.М.", а заканчивались: "Ваш В. Ульянов", "Всего лучшего. Ваш Ленин", "Жму крепко руку. Ваш Ленин". Письма же к Инессе Федоровне обязательно начинались с обращения "Дорогой друг" или "Мой дорогой друг", а заканчивались в период с декабря 1913-го до 24 июля 1914 года особенно тепло: "Твой В. У.", "Крепко жму руку. Твой В. У.", "Крепко, крепко жму руку. Твой В. У.", "Искренне тебе преданный В.И."²

¹ Аргументы и факты, 1991, № 48, октябрь.

² Ленин В.И. ПСС, т. 48, с. 257, 267, 272, 281, 301 и др.

И не может не вызывать недоумения, почему же с 20-х чисел сентября 1914 года, и навсегда, Владимир Ильич, сохранив обращение к И. Арманд "Дорогой друг", перешел с доверительного "ты" на "Вы".¹

Кроме того, интригуют и дают пищу для толков и предположений ленинские письма от 17 и 24 января 1915 года, представляющие собой обстоятельную рецензию плана брошюры Инессы Федоровны о любви и браке, и вместе с тем являющиеся изложением пролетарской точки зрения на эти, извечно волнующие все человечество, проблемы. Можно представить, сколько пытливых умов, интересовавшихся отношениями Ленина с Арманд, снова и снова перечитывало эти письма, пытаясь уловить в них нечто такое, что высветило бы частичку таинственного романа... Но эти попытки обречены на неудачу, если не знаешь хорошо участников "любовного треугольника", обстановки, в которой они жили и боролись.

До осени 1909 года, когда Инесса Федоровна Арманд в Париже впервые встретилась с Владимиром Ильичом и Надеждой Константиновной, она как женщина-революционерка имела далеко не ординарное прошлое.

Родилась она 8 мая 1874 года в Париже в актерской семье. Правда, мать, Нагали (урожденная Уальд, полуфранцуженка-полуангличанка), после того как появились дети, покинула театр и занялась преподаванием пения. Отец, Теодор Стефан, был незаурядным оперным певцом, блистал на парижской сцене, но умер рано, оставив жену с тремя девочками-погодками. Старшую из них, Инесс, взяли на воспитание жившие в далекой Москве бабушка и тетка - учительница музыки и французского языка. Инесса (так обрусело ее имя) унаследовала музыкальный дар родителей: в шестилетнем возрасте она уже всерьез занималась на рояле.²

Благодаря тетке и бабушке юная парижанка овладела в совершенстве русским и английским языками, рано познакомилась с русской и западно-европейской художественной литературой, историей и философией, а в 17 лет - успешно сдала экстерном экзамен на звание домашней учительницы.

Внешне привлекательная, остроумная, обаятельная, хорошо образованная, превосходная музыкантша, а простосердечностью напоминавшая героиню Пушкина и Тургенева, Инесса пленила старшего сына фабриканта Арманда и стала его женой. Потомок французских эмигрантов Александр Евгеньевич Арманд имел шерстоткацкую и красильно-отделочную фабрику в Пушкине, по Ярославской железной дороге, на 28-й версте от Москвы. Муж Инессы Федоровны был весьма образованным, безусловно честным и добрым человеком, которому не чужды были земские дела, благотворительность. Словом, все сулило Инессе обеспеченную и привлекательную жизнь.

Однако личное благополучие не могло удовлетворить молодую и деятельную женщину, наделенную отзывчивым сердцем и недюжинным умом. Нужда, нищета, безграмотность и бесправное положение текстильщиков поразили ее. Какое-то время она отдает свои силы благотворительности, которой увлеклась под влиянием Л. Толстого; устраивает школу для крестьянских ребят и учит в ней; вступает в "Московское общество по улучшению участи женщин". Но вскоре пришло понимание тщетности подобных усилий по переустройству темных сторон жизни, и она порывает и с религией, и с толстовством.³

Выход из душевного кризиса Инесса находит после знакомства с работами идеолога народников П.Л. Лаврова, а затем и с марксистскими изданиями, которые она получала от младшего брата мужа студента Владимира Арманда и его товари-

¹ Ленин В.И. ПСС, т. 49, с. 6.

² Фрэвиль Ж. Ленин в Париже. М., 1969, с. 131.

³ Арманд И.Ф. Статьи, речи, письма. М., 1978, с. 9.

щей по социал-демократическому подполью. Владимир Евгеньевич был незаурядной личностью, редкой души человеком. Но, несмотря на свою "апостольскую простоту", и сам того не желая, он стал причиной глубокой семейной драмы: Инесса влюбилась в него, а когда убедилась в ответном чувстве, покинула мужа и поселилась в другом месте Москвы с Владимиром и четырьмя детьми.

Зимой 1903-1904 гг. она уехала в Швейцарию, где родила мальчика - Андрея. Там же, под влиянием книги "Развитие капитализма в России" В. Ильина (В.И. Ленина - Ж. Т.), Инесса Федоровна становится сторонницей большевизма.¹ По возвращении же в Россию начинается ее активная деятельность в подполье. Революцию 1905 года Инесса встретила с воодушевлением, а не умея делать что-нибудь наполовину, она становится тем профессиональным революционером, о которых так тепло писал Ленин в "Что делать?".

В феврале 1905 года в квартире Армандов жандармы обнаружили нелегальную литературу, и Инесса попала за решетку, откуда вышла только через четыре месяца. В начале 1907 года ее вторично арестовывают, но из-за недостатка улик вскоре освобождают. Пытаясь подольше удержаться на воле, она переходит на нелегальное положение и живет на конспиративной квартире.

Увы, предосторожности не помогли: летом 1907 года вместе со всем железнодорожным райкомом Инесса Федоровна вновь была схвачена охранкой. После трехмесячного заключения ее ссылают в Мезень Архангельской губернии. Туда же, несмотря на крайне подорванное здоровье, последовал и Владимир Арманд, но в суровых условиях Севера заболел туберкулезом и вынужден был вернуться в Москву для лечения.

В ноябре 1908 года, за 7 месяцев до окончания срока ссылки, Инесса бежала через Архангельск в Москву, оттуда в Петербург, а в январе 1909 года и в Финляндию. В этом же месяце она добралась до Швейцарии, чтобы ухаживать за Владимиром, но здоровье его резко ухудшилось, и через две недели после ее приезда он скончался.

"Для меня его смерть, - делилась И. Арманд своим горем в письме к друзьям, - непоправимая потеря, так как с ним было связано все мое личное счастье, а без личного счастья человеку прожить очень трудно".²

Понадобилось четыре месяца уединения в маленьком французском городке, чтобы хоть немного оправиться. Когда же после Пасхи Инесса приехала в Париж, то подруга по московской тюремной камере Е. Власова поразила ее внешнему виду: бледность, худоба, печаль в глазах... И все-таки, преодолевая личное горе, Инесса постепенно начинает заниматься делом: знакомиться с деятельностью Французской социалистической партии, намечает план систематических занятий.

Осенью 1909 года, в 35-летнем возрасте, она поступает в Брюсселе на учебу в Новый университет и в октябре следующего года получает диплом, удостоверяющий, что И.Ф. Арманд, с отличием выдержав экзамены, удостоена ученой степени лиценциата экономических наук (степень эта - нечто среднее между принятыми у нас степенями кандидата и доктора наук).³ Одними из первых поздравили с успехом ее дети, приехавшие еще летом из России. Отправив старших - Сашу и Федю - в Москву, она с младшими - Инной, Варей и Андрюшей - переезжает в Париж, где в то время В.И. Ленин боролся за объединение вокруг новой "Рабочей газеты" большевистских групп.

¹ Подляшук П. Товарищ Инесса. М., 1965, с. 34.

² Арманд И.Ф. Статьи, речи, письма, с. 11.

³ Фревилль Ж. Ленин в Париже, с. 134.

⁴ Подляшук П., с. 66.

⁵ Там же, с. 67.

◆ И.Ф. Арманд с детьми. 1909 год.

За год учения в Брюссельском университете Инесса наездами бывала в Париже и перезнакомилась почти со всей большевистской группой. Здесь с помощью знакомых она сняла по-студенчески обставленное жилье на улице Сен-Жан, № 241. Ум и энергия, идейная стойкость и пренебрежение к материальным условиям жизни, внимательное отношение к товарищам и готовность поделиться с ними последним куском, жизнерадостность, задор и вместе с тем целеустремленность - все это предопределило доверие к ней единомышленников, и она была избрана в президиум большевистской группы. На парижском съезде заграничных организаций большевиков И. Арманд избирают членом Комитета заграничных организаций. Урывками от партийной работы она бывает на лекциях в Сорбонском университете.

В ее квартире постоянно было много народа. Одни приходили по партийным делам, другие - за советом и дружеской помощью, а иногда и просто отдохнуть, послушать хорошую музыку. Заходили сюда и Владимир Ильич с женой. В свою очередь, и она бывала у Ульяновых. "Мы виделись каждый день, - вспоминала Надежда Константиновна. - Инесса стала близким нам человеком".¹

ВЕСНОЙ 1911 года Владимиру Ильичу наконец-то удалось осуществить давнюю мечту о создании школы для совершенствования партийных работников пролетарских центров России. Место для нее он облюбовал во время велосипедной прогулки в деревушке Лонжюмо, расположенной в 18 километрах к югу от Парижа. Приземистые каменные дома, окруженные садами и огородами, стояли на Гранд-рю (Большой улице), покой которой время от времени нарушался прибывшим из столицы паровым трамвайчиком.

Помещение для школы подобрал истинно пролетарское, приютившееся на левой стороне Гранд-рю, во дворе дома № 17. Это был каменный сарай с остекленной верандой, служивший столярной мастерской, а теперь пустовавший. Оборудование класса не заняло много времени: посредине поставили длинный стол, скамейки, несколько табуреток, поближе к свету - маленький столик и соломенный стул к нему - место для преподавателей.

В основном доме № 17, на втором этаже, поселились И. Арманд с 8-летним сыном Андрюшей и трое слушателей - С. Орджоникидзе, И. Шварц и Б. Бреслав. Внизу оборудовали столовую с кухней, которыми ведала жена рабочего-эмигранта Е. Мазанова (со своими двумя детьми она и спала на кухне).

Владимир Ильич и Надежда Константиновна с матерью Елизаветой Васильевной сняли две комнаты в другом конце Большой улицы (№ 191) на верхнем этаже дома, принадлежавшего рабочему-кожевнику.²

Григорий Зиновьев с женой и сынишкой устроились несколько лучше. Другие преподаватели - Л. Каменев, А. Луначарский, Н. Семашко, Д. Рязанов и Ю. Стеклов - жили в Париже и приезжали в Лонжюмо только для проведения занятий.

Главным преподавателем и воспитателем слушателей был Владимир Ильич, чьи лекции о текущем моменте, по политической экономии и по аграрному вопросу, практике профдвижения, теории и практике социализма в России заняли более 40 процентов учебного времени. Деятельнейшим его помощником была Арманд, которая читала лекции по истории рабочего движения в Бельгии, вела семинары по политэкономии, ведала организацией быта и питания слушателей.³

¹ Арманд И.Ф. Статьи, речи, письма, с. 13.

² Фревилль Ж. "Ленин в Париже", с. 230

³ Московский И.В., Семенов В.Г. Ленин во Франции, Бельгии и Дании. М., 1982, с. 119-120.

Напряженно, но увлекательно пролетели три с половиной месяца занятий, и 30 августа состоялся выпускной вечер в школе Лонжюмо. Напутствуя слушателей, Владимир Ильич призвал их теснее опираться на рабочий класс - главную силу революции. 8 сентября он с Надеждой Константиновной и тещей возвращается в Париж, а уже через день отправляется в Цюрих на заседание Международного социалистического бюро. В следующем месяце Владимир Ильич совершил деловое турне в Бельгию, Данию и Англию. А чуть ли не на следующий день после завершения этих странствований и возвращения его в Париж покончили с собой Поль и Лаура (дочь К. Маркса) Лафарги. Потрясенный этой трагедией, Ленин пишет речь, в которой от имени РСДРП дает высокую оценку их работе по пропаганде социализма и выражает уверенность, что вслед за русской революцией 1905 года демократическое движение охватит многомиллионную Азию.

Текст этот на французский язык перевела Инесса Федоровна, которая вместе с Надеждой Константиновной слушала ее 20 ноября (3 декабря) 1911 года на похородах Лафаргов из уст взволнованного Ленина. За зиму Арманд еще несколько раз выполняла его переводы, другие поручения, и это сотрудничество укрепило взаимные симпатии с четой Ульяновых и Е.В. Крупской.

Сразу же после начала нового, 1912, года Владимир Ильич отправляется в Прагу, где в течение двух недель руководит работой VI Всероссийской конференцией РСДРП, а в конце января посещает по партийным делам Лейпциг, Берлин. Сразу же по возвращении в Париж он информирует большевистскую группу о работе Пражской конференции. По поручению Владимира Ильича Инесса Федоровна выезжает в Лион, чтобы передать приветствие РСДРП съезду Французской объединенной социалистической партии.

В апреле Владимир Ильич какое-то время хворал, но в мае выкроил неделю для работы в Берлинском архиве русской социал-демократии.¹

А 4 (17) июня он вместе с Надеждой Константиновной и тещей переезжает в Краков; чтобы в связи с начавшимся в России новым революционным подъемом быть поближе к границе с нею.

Перед их отъездом из Парижа по ленинской рекомендации ЦК партии поручил И. Арманд отправиться в Петербург (по подложному паспорту на имя крестьянки Франциски Янкевич) для восстановления подпольного партаппарата и для подготовки избирательной кампании в IV Государственную думу. По дороге в Россию она навестила в Кракове Ульяновых и получила последние наставления от Владимира Ильича. Увы, Инесса Федоровна через два с половиной месяца своей деятельности в Петербурге была схвачена жандармами и пробыла в одиночке знаменитой "Предварилки" больше полугода, пока Александр Арманд не внес залога в 5 тысяч рублей, чтобы ее выпустили до суда на волю. Здоровье Инессы Федоровны в тюрьме серьезно пошатнулось: начинался легочный процесс, изнурял кашель. И весну, и лето 1913 года она провела вместе с детьми на кумысе в Ставрополе на Волге.

Суд был назначен на 27 августа. Впереди маячила невеселая перспектива - отправка в ссылку в Мезень, откуда в свое время революционерка бежала... Не дожидаясь этой даты и жертвуя залогом, И. Арманд переходит границу и направляется в Поронин. Там она принимает участие в совещании, проводимом большевистским ЦК с партийными работниками. Оно проходило с 22 сентября по 1 октября, и Инесса Федоровна приехала уже в разгар заседаний. Близкие знакомые заметили, как тюрьма подорвала ее здоровье - появились признаки туберкулеза. Тем не менее, по словам Надежды Константиновны, энергии у Инессы не убавилось. "С еще

¹ Фревилль Ж. Ленин в Гариже, с. 156.

² Ленин В.И. Биография, т. 3, с. 4.

³ Подляшук П. Товарищ Инесса, с. 104.

большей страстностью относилась она ко всем вопросам партийной жизни. Ужасно рады были мы, все краковцы, ее приезду", - писала Н.К. Крупская.

После напряженной работы, связанной с подготовкой и проведением совещания, Владимир Ильич, страдавший бессонницей и головными болями, позволил себе на недельку остаться в Поронине отдохнуть. Вместе с женой и Арманд они совершали прогулки по предгорьям Высоких Татр, на "Черный Став" - горное озеро изумительной красоты, по живописным долинам Вислы.

По возвращении в Краков жизнь "тесным товарищеским замкнутым кружком" продолжалась. "Инесса наняла комнату у той же хозяйки, где жил Каменев, - вспоминала Надежда Константиновна. - К Инессе очень привязалась моя мать, к которой Инесса заходила часто поговорить, посидеть с ней, покурить. Уютнее, веселее становилось, когда приходила Инесса".

В этот приезд она много рассказывала "о своей жизни, о своих детях, показывала их письма, и каким-то теплом веяло от ее рассказов. Мы с Ильичем, - продолжала Надежда Константиновна, - и Инессой много ходили гулять, Зиновьев и Каменев прозвали нас "партией прогулистов". Ходили на край города, на луг (луг по-польски "блонь"). Инесса даже псевдоним себе с тех пор взяла Блонина. Инесса была хорошая музыкантша, сагитировала сходить всех на концерты Бетховена, сама очень хорошо играла многие вещи Бетховена. Ильич особенно любил "Sonate pathetique", просил ее постоянно играть, он любил музыку... Много говорили о беллетристике".

Инессе пришлось по душе жизнь в Кракове, и она хотела было даже обосноваться здесь и выписать к себе детей из России. В поисках квартиры вместе с ней ходила и Надежда Константиновна. Но, как вспоминала впоследствии Н.К. Крупская, "не на чем было в Кракове развернуть Инессе свою энергию, которой у ней в этот период было особенно много. Решила она объехать сначала наши заграничные группы, прочесть там ряд рефератов, а потом поселиться в Париже, там налаживать работу нашего комитета заграничных организаций. Перед отъездом ее мы много говорили о женской работе. Инесса горячо настаивала на широкой постановке пропаганды среди работниц, на издании в Питере специального женского журнала для работниц..."

Надежда Константиновна запомнила, что именно в то время И. Арманд пришлось изменить маршрут поездки. Здоровье ее внушало такие опасения у ее ближайшего окружения, что Владимир Ильич приложил немало усилий, чтобы убедить ее немедленно отправиться на отдых и лечение в санаторий. Возможно, что это он посоветовал остановиться на Арозе - известном высотном горно-климатическом курорте, расположенном в Швейцарских Альпах. Умеренно мягкая зима, незначительные колебания температур, богатый озоном воздух, хорошо поставленный сервис и лечение - идеальное место для больных туберкулезом легких.

И вдруг числа 18 декабря 1913 года в Краков пришла телеграмма, свидетельствующая, что больная уже обосновалась в Париже... Владимир Ильич, удивленный таким оборотом дела, едва сдержал свое неудовольствие. "Сейчас получил телеграмму, - сообщал он в коротком письме к И. Арманд, - и переменял конверт, назначенный было в А...". И, не расспрашивая ни о чем, перешел к злободневным проблемам партии: "Что же с ЦО?? (*Правда* - Ж.Т.) Ведь это позор и скандал!! До сих пор нет и нет даже корректур. Запроси и добейся толку, пожалуйста".

¹ Воспоминания о В.И. Ленине в 10 томах. М., 1989, т. 2, с. 174.

² Там же, с. 175.

³ Там же, с. 175.

⁴ Там же, с. 176.

⁵ Курортный энциклопедический словарь. М., 1983, с. 439.

⁶ Ленин В.И. ПСС, т. 48, с. 238.

◆ В.И. Ленин. 1914 год.

Таким же сугубо деловым выглядит и следующее декабрьское письмо Владимира Ильича к Инессе Федоровне с призывами использовать как легальные, так и нелегальные формы партийной работы. Характерна, полная оптимизма, концовка письма: "Получили 1 экз. "Спутника рабочего", 5.000 экз. уже разошлись!! Ура!!! Беритесь архизэнергично за женский журнал!"¹

Но таким оно выглядит при поверхностном подходе. Вдумчивый же читатель заметит, что публикация этого и большинства последующих за ним ленинских писем к И. Арманд начинается с отточия и сопровождается сноской: "Начало письма не разыскано"².

Само собой напрашивается вывод: отсутствующие страницы писем были сугубо личного характера, и либо Инесса Федоровна уничтожила их, либо ее дети передали переписку в ЦПА ИМЛ, а тот, выполняя предписания начальства, тайну об интимных сторонах жизни вождя партии поместил в строго секретные стальные сейфы.

Держать за семью печатями чужие письма, не предназначенные авторами и их родными для огласки, - законное право и обязанность архивохранилищ. Но широкоизвестный факт, что Инесса Арманд была близким другом Ленина, вызывал неподдельный интерес у многих. Спекуляция на нем привела к рождению все новых и новых кривотолков, легенд, слухов.

И вот, наконец-то, в мартовском номере за 1992 год журнала "Свободная мысль" (б. журнал "Коммунист") появилась сенсационная публикация: "Инесса Арманд, неизвестное письмо Ленину. Из дневников". Подборка документов, хранившихся в Центральном партархиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ныне - Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории), предваряется предисловием, в котором отмечается, что вопрос, насколько близким другом Владимира Ильича была И. Арманд, давно "вызывает неподдельный интерес. Однако даже самые добросовестные попытки передать суть подобных отношений, как правило, грешат пошлостью и бесцеремонностью. Так что пусть лучше свидетельствуют документы".

Важнейшим в этой подборке является многостраничное, написанное в три приёма, письмо Инессы Федоровны Владимиру Ильичу и отправленное из Парижа в Краков примерно в середине декабря 1913 года. Вот содержание первой части письма, с пометкой "суббота, утро":

"Дорогой, вот я и в Ville Lumiere (*светлый город*. - Ж.Т.) и первое впечатление самое отвратительное. Все раздражает в нем - и серый цвет улиц, и разодетые женщины, и случайно слышанные разговоры, и даже французский язык. А когда подъехала к boulevard St. Michel (*бульвар Сент-Мишель*. - Ж.Т.), к орлеанке и пр., воспоминания так и полезли изо всех углов, стало так грустно и даже жутко. Вспомнились былые настроения, чувства, мысли, и было жаль, потому что они уже никогда не возвратятся вновь. Многое казалось зелено-молодо - может быть, тут и пройденная ступень, а все-таки жаль, что так думать, так чувствовать, так воспринимать действительность уже больше никогда не сможешь, - и пожалеешь, что жизнь уходит. Грустно было потому, что Ароза была чем-то временным, чем-то переходным. Ароза была еще совсем близко от Кракова, а Париж - это уже нечто окончательное. Расстались, расстались мы, дорогой, с тобой! И это так больно. Я знаю, я чувствую, никогда ты сюда не приедешь! Глядя на хорошо знакомые места, я ясно сознала, как никогда раньше, какое большое место ты еще здесь, в Париже, занимал в моей жизни, что почти вся деятельность здесь, в Париже, была тысячью нитей связана с мыслью о

¹ Ленин В.И., ПСС, т. 48, с. 243.

² Там же, с. 242, 248, 252 и др.

тебе. Я тогда совсем не была влюблена в тебя, но и тогда я тебя очень любила. Я бы и сейчас обошлась без поцелуев, только бы видеть тебя, иногда говорить с тобой было бы радостью - и это никому бы не могло причинить боль. Зачем было меня этого лишать? Ты спрашиваешь, сержусь ли я за то, что ты "провел" расставание. Нет, я думаю, что ты это сделал не ради себя.

Много было хорошего в Париже и в отношениях с Н.К. В одной из наших последних бесед она мне сказала, что я ей стала дорога и близка лишь недавно. А я ее полюбила почти с первого знакомства. По отношению к товарищам в ней есть какая-то особая чарующая мягкость и надежность. В Париже я очень любила приходить к ней, сидеть у нее в комнате. Бывало, сидишь около ее стола - сначала говоришь о деле, а потом засиживаешься, говоришь о самых разнообразных материях. Может быть, иногда и утомляешь ее. Тебя я в то время боялась пуще огня. Хочется увидеть тебя, но лучше, кажется, умерла бы на месте, чем войти к тебе, а когда ты почему-либо заходил в комнату Н.К., я сразу терялась и глупела. Всегда удивлялась и завидовала смелости других, которые прямо заходили к тебе, говорили с тобой. Только в Лонжюмо и затем следующую осень в связи с переводами и пр. я немного попривыкла к тебе. Я так любила не только слушать, но и смотреть на тебя, когда ты говорил. Во-первых, твое лицо так оживляется, и, во-вторых, удобно было смотреть, потому что ты в это время этого не замечал. Мне еще грустно и ужасно жутко потому, что я боюсь Тамары".¹

Продолжение письма последовало в эту же субботу вечером. Это был подробный рассказ о молодой радикалке Тамаре, с которой ее связывали полудружеские-полуматеринские чувства. Но поскольку та утверждала, что настоящий социал-демократ "должен знать только дело, жить для него", Арманд посчитала, что в ее устах это только слова, и не упускала случая, чтобы попрекнуть юную подругу, что они у нее расходятся с делом, в частности за то, что она "без нужды сидит за границей", в то время как на родине так много работы. Тамара, у которой в Париже был любимый человек-поселенец, в конце концов пришла к тяжелому конфликту из-за того, что он не смог поехать вместе с нею в Россию. Инесса Федоровна, возвратясь в Париж после полутора лет странствий (поездка в Россию, тюрьма, затем - Польша, Швейцария), с ужасом узнала, что душевная трагедия привела неокрепшую душу девушку к гибели. И теперь, в письме к Владимиру Ильичу, как к близкому другу, чуткому и справедливому, способному и понять, и осудить, и принять покаяние, она сожалеет о том, что ее споры с Тамарой могли в какой-то мере способствовать несчастью.

Краткое изложение этого рассказа, ограниченного в начале и в конце крестиками (знаками того, что Владимир Ильич мог его и не читать), наверное, все же уместно, ибо позволяет полнее представить душевное состояние Инессы Арманд в тот день, когда она, подобно пушкинской Татьяне, исповедалась в своих глубоких и чистых чувствах к давно любимому человеку.

Днем раздумий стало для Инессы Федоровны воскресенье, и только вечером она собралась с силами, чтобы как-то завершить свое послание. Заключительная его часть - самая короткая и по основному содержанию сугубо деловая, с конкретными вопросами о том, что "можно говорить и чего говорить нельзя" в выступлениях и беседах из соображений конспирации.

И только последние строки письма снова обрели интимный характер: "Ну, дорогой, на сегодня довольно - хочу послать письмо. Вчера не было письма от тебя! Я так боюсь, что мои письма не попадают к тебе - я тебе послала три письма (это четвертое) и телеграмму. Неужели ты их не получил? По этому поводу приходят в

¹ Свободная мысль, 1992, №3, с.81.

голову самые невероятные мысли. Я написала также Н.К., брату, Зине (З.И. Лилиной, сотруднице "Правды". - Ж.Т.).

Неужели никто ничего не получил? Крепко тебя целую. Твоя Инесса".¹

ВЫНУЖДЕННАЯ публикация послания И. Арманд В.И. Ленину, поставившая задачей свидетельствовать сохранившимся письмом суть их отношений, дабы прекратить досужие сплетни, сама по себе не ставит все точки над *i*, если глубоко не вдуматься в каждую строку письма и не учесть всей совокупности обстоятельств их жизни и деятельности, а также их будущих взаимоотношений.

Можно ли рассматривать это послание как доказательство того, что так называемый любовный треугольник Ленин-Крупская-Арманд существовал в реальности?

Для обывателя, падкого на сенсации подобного рода, очевидно - да. Ведь "любовное письмо" - чем не доказательство? И нечего рассуждать. Ведущая же передачи "За Кремлевской стеной" (по I-й программе Центрального телевидения 14 мая 1992 года), рассказывая об отношениях Владимира Ильича с И. Арманд и процитировав отрывок из ее декабрьского письма, не дала утвердительного ответа на этот вопрос. Но раз уж сложившаяся обстановка заставила нас затронуть эту интимную тему, так сделаем попытку более глубоко и вместе с тем бережно вникнуть в нее, подойти к ней с максимально возможной точностью, объективностью, ответственностью и деликатностью (если вообще уместно упоминание о деликатности при чтении чужих писем).

Итак, бесспорно, что первая часть послания И. Арманд - это действительно так называемое "любовное" письмо. Однако послания такого рода могут отражать самые различные отношения людей и самые разные степени их взаимности и близости. Что же открывает нам уникальное письмо?

Из признаний Инессы Федоровны видно, что в первый период знакомства ее с Владимиром Ильичем, когда она еще не была влюблена в него, она просто благоволила и робела перед ним, а он, кстати, и не замечал этого. Только за лето 1911 года, проведенное в Лонжюмо, и затем в следующую осень в Париже, в связи с переводами ею ленинских текстов, она "немного привыкла" к нему. Следовательно, кульминационным периодом их сближения могло быть время (после ее петербургского подполья, тюремного заключения и лечения на Волге) встреч и совместного проведения досуга с четой Ульяновых в Поронине и затем в Кракове осенью 1913 года. Общение их в течение двух месяцев, происходившее в период, когда у И. Арманд нарастал туберкулезный процесс, а Н.К. Крупская недавно перенесла мучительную операцию щитовидной железы, вылилось в основном в совместные прогулки втроем на свежем воздухе, так необходимые обоим больным женщинам. Судя по письму, даже и в этот период чувства Инессы Федоровны к Владимиру Ильичу ограничивались платонической любовью. Ибо письмо, написанное уже **после** всех периодов их тесного общения, после всего того, что могло быть близкого между ними, после фактического расхождения их личных дорог, подытоживая суть их отношений, только теперь и явило собой признание в любви, причем признание - трепетное, чистое, без надежды... ("я бы и сейчас обошла без поцелуев, только бы видеть тебя, иногда говорить с тобой было бы радостью - и это никому не могло бы причинить боль"). Это признание - **после** того, чему **не суждено было сбыться**.

А что Владимир Ильич? Совокупность фактов позволяет сказать следующее: очень ценил ум и способности И. Арманд, доверял ей самую сложную и ответственную партийную работу, а после четырехлетнего общения с ней уважал и любил как преданного друга, интересного, эрудированного и веселого собеседника. Не обошло стороной и ее женское обаяние. Но, очевидно, почувствовав глубоко неравнодушное отношение к себе Инессы Федоровны, он, претворяя нежелательное

¹ Свободная мысль, 1992, №3, с.83.

развитие событий, дипломатически "провел расставание" - отправку ее на очень необходимое, кстати, лечение в Арозу. На телеграмму же о неожиданном переезде Арманд с курорта в Париж последовало лишь деловое ответное письмо Ленина. Что же касается "письменных" поцелуев, то они шли только с ее стороны и, по всей вероятности, оставались только "письменными" (раз она сама утверждала, что при дальнейшем возможном проживании рядом с ним могла бы и впредь обходиться без них). В письмах же Владимира Ильича не было ни одного поцелуя, а после "проведенного" им расставания он вскоре даже перейдет в переписке на "вы", четко ограничив рамки их отношений, в то же время навсегда оставив теплое и нежное обращение к Инессе Федоровне - "дорогой друг".

Ну, а какова роль в этом "треугольнике" третьей стороны? Надежда Константиновна, внешне спокойная и рассудительная, была умной и чуткой женщиной, внимательной женой и верным другом. По ее собственному признанию, сделанному уже после всех возможных перипетий их взаимоотношений с Арманд, они с Владимиром Ильичом любили Инессу Федоровну, всегда были рады ей, а пора самого близкого общения с Арманд являлась для их компании "прогулистов" радостной, счастливой порой совместного времяпрепровождения. Не исключено, что и от Надежды Константиновны не ускользнуло невольное благожелное чувство влюбленности к ее мужу Инессы Федоровны. Но ее доверие и такт по отношению к близким людям предоставили возможность Владимиру Ильичу самому разобраться в возникающей ситуации и принимать решения. А он - "провел расставание".

Но если бы все это было не так, если бы не было выдержки и понимания со стороны Крупской, если бы имели место ревность или банальные семейные сцены, то могла бы в эти самые дни продолжаться дружеская переписка между двумя женщинами-"соперницами", и оставила бы нам Н.К. Крупская столь теплые воспоминания об И. Арманд, если бы хоть тень обмана или пошлости коснулась ее женского достоинства?

В СВОЕМ письме И. Арманд сетовала на то, что Владимир Ильич в Париж, наверное, уже больше никогда не придет. Однако ему довелось появиться во французской столице очень скоро. Дело в том, что в начале нового, 1914 года пришла телеграмма от большевика Н.В. Кузнецова (Н.И. Сапожкова) с предложением выступить в Париже на митинге, посвященном памяти "кровавого воскресенья" 1905 года.

Взвесив свои возможности - с 13/26 января предстояло участие в Брюсселе в работе XIV съезда Социал-демократии Латышского края (СДЛК) - Ленин сообщил Арманд, что Кузнецов может включить его в число ораторов на 9 января. И, действительно, 5 января Владимир Ильич прибыл в Париж, в тот же день выступив перед большевиками с информацией о положении дел в партии. Вечером 7 числа он присутствовал на реферате Р.В. Малиновского о работе большевистской фракции IV Государственной думы, а через день и сам выступил на митинге социал-демократов, посвященном "кровавому воскресенью". 10 января Владимир Ильич в большом зале Географического общества прочел свой реферат "Национальный вопрос". В эти же дни он знакомится с информацией из Бельгии о подготовке IV съезда СДЛК, обговаривает набравшие вопросы с Н.В. Кузнецовым, Л.Н. Сталь и, естественно, с И. Арманд.

Шесть дней, заполненные напряженной работой, пролетели, и Владимиру Ильичу так и не пришлось поговорить с Инессой Федоровной о сокровенном. И где-то в

¹ В.И. Ленин. Биохроника, т. 3, с. 177.

² Там же, с. 178-180.

³ Московский П.В., Семёнов В.Г. Ленин во Франции, Бельгии и Дании, с. 138-139.

◆ Н.К. Крупская. 1918 год.

душе, наверное, осталось что-то вроде чувства вины, будто уклонился от разговора "дет-а-тет". И как приятно был удивлен, когда получил в Брюсселе послание в деловом пакете, написанное знакомым почерком Арманд. "Дорогой друг! - с благодарностью откликнулся он 13/26 января. - Ужасно рад твоему дружескому, милому, хорошему, теплому письму. Благодарен тебе за него несказанно". Затем, поделившись о трудностях по изданию "Правды" и бюллетеней ЦК, Владимир Ильич попросил беречь каждую партийную копейку, а в заключение постарался передать чувства глубокого товарищества: "Крепко, крепко, крепко жму руку, мой дорогой друг. Извини за спешку и краткость. Некогда. Твой В. У.". ¹

В феврале-марте 1914 года Ленин не раз письменно обращался из Кракова к Арманд с деловыми просьбами и поручениями, делился новостями, поступившими из России, благодарил за информацию о деятельности парижских большевиков, давал советы по контролю за прохождением корреспонденции по почте, а иногда и журил за промахи, например за благодушное отношение к выступлениям националиста В.К. Винниченко. В последнем случае, в письме от 1 апреля, просил: "Не сердись, пожалуйста, это я любя, по дружбе, но не могу не злиться, когда вижу "нечто от богородицы". Концовка этого письма характерна для отношений участников дружеского, но не любовного треугольника: "В понедельник послал тебе сборник ("Начало": - Ж.Т.) и приписку к письму Нади".²

В эти весенние дни Владимир Ильич уже знал о намерении Инессы Федоровны вызвать из России своих ребят, чтобы отправиться вместе с ними отдохнуть на побережье Адриатики. Когда же этот план принял конкретные очертания, он выразил искреннее удовлетворение: "Ужасно рад, что к тебе едут дети и что ты с ними скоро двинешь на лето".³

"Двинула" она в Ловран (Австро-Венгрия, ныне Югославия) в мае, и теперь из Кракова туда пошли письма, большинство из которых посвящалось предстоящей 16-18 июля 1914 года в Брюсселе конференции Международного социалистического бюро.

Владимир Ильич по некоторым принципиальным соображениям не мог принять в ней участие и упросил Инессу Федоровну, чтобы она, оставив детей в Ловране, съездила в Брюссель и выступила там от имени РСДРП. Когда же она выполнила это поручение, он в нескольких письмах выразил ей глубочайшую признательность. "Я в высшей степени рад за тебя и благодарен, что ты меня освободила от моих обязанностей в Брюсселе... Я тебе очень и очень благодарен за твою работу, столь неприятную и столь искусную, - писал он из Поронина в Брюссель 16 июля."⁴

В следующих трех письмах к И. Арманд, датированных тоже июлем, он вновь выражает признательность: "Ты лучше провела дело, чем это мог бы сделать я. Помимо языка я бы **взорвался**, наверное. Не стерпел бы комедианства и обозвал бы их подлецами. А **им только того и надо было** - на это они и провоцировали".⁵

"Ты оказала большую услугу нашей партии! Особенно благодарен тебе за то, что ты меня заменила". "Ваше поведение на конференции было правильное, и вы оказали большую услугу партии. Попов пишет, что ты была больна. Что у тебя за болезнь? Пожалуйста, пиши подробнее!! Иначе я не могу быть спокойным. Сердечно приветствую тебя и шлю наилучшие пожелания. Желаю здоровья и спокойствия. Твой В.И."⁶

¹ Ленин В.И. ПСС, т. 48, с. 254, 255.

² Там же, с. 278.

³ Там же, с. 281.

⁴ Там же, с.318.

⁵ Там же, с. 323.

⁶ Там же, с. 324-326.

◆ И.Ф. Арманд. 1918 год.

Судя по июльским письмам 1914 года, отношения между Владимиром Ильичем и Арманд продолжали оставаться весьма и весьма дружескими. Но в следующем из опубликованных писем, уже от 28 сентября (посланным из Берна в швейцарское курортное местечко Лез-Аван), концовка приобретает уже полуофициальный характер: "Наилучшие пожелания и сердечное рукопожатие. Пишите, пожалуйста, побольше о себе. Преданный Вам В. Ленин".¹

ЧТО произошло за два месяца, предшествовавшие этому письму, если установившееся с Инессой Федоровной обращение на "ты" сменилось на "вы", "твой" - на "преданный Вам", а вместо инициалов "В.У." или "В.И." появился партийный псевдоним "Ленин"? Можно лишь догадываться, что между ними произошло, по инициативе Арманд "выяснение отношений", в результате которого Владимир Ильич очертил их более строгими рамками.

За последующие почти четыре месяца известны ленинские письма к Инессе Федоровне только от 17 и 24 января 1915 года, являющиеся, как отмечалось выше, полемическими заметками на присланный ею план брошюры для работниц о любви и браке.

В выборе этой темы сыграли роль, безусловно, и некоторые личные обстоятельства жизни автора. Рано или поздно надо было объяснить мотивы, руководствуясь которыми, она, мать четверых детей, не считаясь с мнением общества, открыто разошлась с любившим ее мужем Александром и связала свою судьбу с его братом Владимиром. Непосредственным толчком, который навел на мысль о такой брошюре, стали вопросы о любви и семье, которые уже волновали дочерей - Инну и Варю. Но эта работа могла быть и продолжением полемики по столь деликатной теме с Владимиром Ильичом.

А он, желая, чтобы "брошюра была хороша", в доброжелательной форме, но настойчиво советовал выбросить женское "требование свободы любви", ибо, независимо от воли автора, оно явится "в современной общественной обстановке буржуазным, а не пролетарским требованием".²

По мнению Владимира Ильича, необходимо четко показать в брошюре, что если для пролетариата в требовании "свободы любви" главное - свобода от материальных (финансовых) расчетов и свобода от материальных забот, свобода на брак только по любви, то для буржуазии это же требование - свобода от серьезного в любви, от деторождения и свобода супружеской неверности.³

По недоразумению, вызванному, наверное, личными переживаниями и, ко всему, еще и мучительными головными болями, Инесса Федоровна затеяла спор о том, что даже "мимолетная страсть и связь" "поэтичнее и чище", чем поцелуй без любви (пошлых и пошленьких) супругов". Владимир Ильич выразил сомнение в логичности такого противопоставления в популярной брошюре: "Поцелуй без любви у пошлых супругов **грязны**. Согласен. Им надо противопоставить... что? Казалось бы: поцелуй **с любовью**? А Вы противопоставляете "мимолетную (почему мимолетную?) "страсть" (почему не любовь?) - выходит, по логике, будто поцелуй без любви (мимолетные) противопоставляются поцелуям без любви супружеским... У Вас вышло противопоставление не классовых типов, а что-то вроде "казуса", который возможен, конечно... Если брать тему: казус, индивидуальный случай грязных поцелуев в браке и чистых в мимолетной связи, - эту тему надо развивать в романе".⁴

Против такой железной логики трудно было возражать, и переписка о брошюре

¹ Ленин В.И. ПСС, т. 49, с. 7.

² Там же, с. 55.

³ Там же, с. 52.

⁴ Там же, с. 56.

на этом прекратилась. А все ужесточившийся характер мировой войны побудил Инессу Арманд, составлявшую вместе с Н.К. Крупской и Л.Н. Сталь заграничную редакцию легального журнала "Работница", сосредоточить все усилия на сплочении работниц под знаменем пролетарского интернационализма. Вместе они готовили в Берне Международную женскую социалистическую конференцию, проходившую в марте 1915 года.¹

Немало общих дел было на счету Арманд и Крупской и в Комитете заграничных организаций, членами которого они тоже являлись.

Инесса Федоровна преклонялась перед умом, нравственной чистотой, работоспособностью, эрудицией и целеустремленностью жены Ленина, но их связывала и личная нежная дружба. Несмотря на разницу в пять лет, они обращались друг к другу на "ты". Характерный пример тональности переписки между ними: "Дорогая Надежда Константиновна, - писала Арманд, - Была рада твоему письму, - уж очень давно от тебя не получала. Хотя и это письмо не вполне меня удовлетворило - оно ведь больше деловое, а о себе ты ничего не пишешь, а мне бы очень хотелось знать о тебе... Ну, дорогая, крепко целую!"²

В марте умерла Елизавета Васильевна Крупская. Не улеглось еще нервное потрясение, которое испытала Надежда Константиновна в связи с тяжелой утратой, как возникла квартирная проблема. Хозяйка домика, у которой Владимир Ильич с женой и тещей снимали две комнаты, не захотела теперь сдавать только одну из них да и не желала далее иметь дело с неверующими людьми.³

Не успели обжить новую комнату, которую нашли тоже недалеке от Бернского леса, как у Надежды Константиновны обострилась базедова болезнь. Врач предложил лечиться высокогорным климатом, и Владимир Ильич по газетным объявлениям выискал дешевый пансион вдали от модных курортов, в небольшой деревушке Зёренберг.

В середине мая они с Надеждой Константиновной перебрались туда и, убедившись, что в этом уединенном местечке можно еще и неплохо работать (по межбиблиотечному абонементу бесплатно и быстро присылали необходимые книги), зовут в Зёренберг Инессу Федоровну, зная о том, что она нуждается в лечении легких. Когда стало известно, что Арманд приедет, Владимир Ильич от своего и жены имени обращается к ней с "дачными поручениями": подобрать французскую беллетристику, несколько десятков дешевых конвертов для пересылки рукописей, лимонной кислоты в кристаллах и 15-20 экземпляров "Известия" "Коммуниста".⁴

"Еще одно поручение: - говорилось далее в письме, - на случай, если мы с Вами предпримем **большие** прогулки (это не наверное, но может быть и удастся изредка), хорошо бы знать, какие условия в Hütten (Cabanes) домики на горах с кроватями - устроенными швейцарским клубом "альпинистов"... Я часто изучаю Бедекера и "присматриваюсь" к таким Cabanes на высоте 2.500-3.000 м недалеко от нас.

...P.S. Справка в "Клубе швейцарских альпинистов" имеет целью:

1. узнать цены в "хижинах" для нечленов клуба.
2. узнать, не бывает ли **коллективных** восхождений на большие высоты (3.000-3.500 м), как, когда и прочее"⁵

Эти письма напечатаны в 49-м томе Полного собрания сочинений В.И. Ленина в 1964 году, и более четверти века здоровомыслящие читатели не видели в последнем поручении какого-то скрытого смысла. И вдруг в еженедельнике "Аргументы и

¹ Ленин В.И. ПСС, т. 49, с. 499.

² "Неделя", 1991, №48, с.15.

³ Воспоминания о В.И. Ленине в 10 томах, т. 2, с. 199.

⁴ Ленин В.И. ПСС, т. 49, с. 79.

⁵ Там же с. 80.

факты" (1992, № 3, с. 4), под "ударной" рубрикой "Достоянием гласности стали новые документы о революции 1917 г." появляется статья "Рейхсмарки для диктатуры пролетариата" А. Цыганова, который, не приведя ни одного аргумента, преподносит читателям злонамеренную ложь о том, что якобы немецкое правительство, в ответ на меморандум провокатора А. Парвуса (датированный мартом 1915 года), выделило рейхсмарки для большевистских "вождей" в Швейцарии. "А через три недели после появления меморандума Парвуса, - с глубокомысленным видом продолжает развивать свою фальшивку А. Цыганов, - Ленин выезжает с женой в новую квартиру; на лето едет в горы, где снимает комнату в отеле. Одновременно он просит Инессу Арманд ("на случай, если мы с Вами предпримем большие прогулки") узнать цены на "домики на горах с кроватями..."

Недостойный характер этих суждений и намеков очевиден. Во-первых, никогда никаких рейхсмарок Ленин от германского правительства не получал (он это доказал публично еще в 1917 году). Во-вторых, имеются многочисленные документы, свидетельствующие о том, что Владимир Ильич испытывал такие материальные лишения, которые вынуждали Крупскую искать себе работу, вплоть до простой переписчицы бумаг, а все их имущество помещалось в одном чемодане, кроме которого были только книги. Намеки же Цыганова на то, что Ульяновы, "получив рейхсмарки", шиковали, снимая новые квартиры и номера в отелях, лопаются, как мыльный пузырь, при сопоставлении с реальными фактами. А факты говорят о том, что смена Владимиром Ильичом квартир в Берне была связана со смертью тещи и желанием занять еще более скромное жилье - одну комнату, которую сдали при отъезде в горы. Что же касается "домика на горах с кроватями", то из процитированного выше письма Ленина к Арманд ясно видно, что речь шла о "хижине" для кратковременного отдыха альпинистов при восхождении на большие высоты (3-3,5 км), разумеется, с проводниками, и только. Лишь публицист со злым умыслом мог выискать в широкой известной переписке Владимира Ильича слово "кровати" и это нечто, якобы доселе скрываемое, преподнести неуклюжему читателю под "клубничным" соусом.

ОДНАКО вернемся к июньским дням 1915 года, когда в Зёренберг на лечение прибыла и И. Арманд. Делясь своими впечатлениями, она писала дочери Инне в Россию: "Здесь очень хорошо. Окружена я довольно высокими горами - 1.900-2.000 с лишним... К сожалению, ясных дней не так много, и вот уже целую неделю льет непрерывно дождь, так что приходится больше дома сидеть. Сажу дома - пишу брошюру по семейному вопросу (ты меня навела на эту мысль своими вопросами - но пока это между нами) и читаю".

Из писем Инессы Федоровны к родным не видно, чтобы она участвовала в восхождениях на горные вершины. Зато Надежда Константиновна, не раз подчеркивая благотворность пребывания в Зёренберге, в сентябре 1915 года с удовлетворением сообщала М.А. Ульяновой в Петроград: "Базедка, можно считать, совершенно прошла... и мы с Володей облазили все окрестные горы. Я два раза всходила на Ротхорн (2.300 метров), откуда прекрасный вид на Альпы, без всякой усталости, а это не всякому здоровому человеку под силу"²

Во время пребывания в Зёренберге Владимир Ильич и Надежда Константиновна много времени уделяли подготовке к предстоящей Циммервальдской конференции, призванной помочь консолидации левых движений Европы. В начале сентября 1915 года Владимир Ильич уже - в Циммервальде и там отдал столько сил, что, по словам Надежды Константиновны, был "порядочно-таки нервным". Как только он

¹ Арманд И.Ф. Статьи, речи, письма, с. 230.

² Ленин В.И. ПСС, т. 55, с. 452.

пришел в себя, отправился из Берна в Женеву, чтобы выступить там с рефератом о Циммервальдской конференции. С таким же заданием ЦК партии Александра Коллонтай выехала в Северную Америку, а Инесса Арманд (по подложному паспорту на имя Софии Поповой) отправилась во Францию.

В Париже Инесса Федоровна перевела на родной для себя язык ленинскую работу "Социализм и война" и довольно оперативно издала ее брошюрой. Наладив связи с местными социал-демократами, Арманд с их помощью пропагандирует идеи Циммервальда в молодежной и профсоюзной организациях.

Владимир Ильич неотступно наблюдал за ее деятельностью в командировке, помогал советами, подбадривал добрым словом, передавал новости, проникавшие из России. 13 января 1916 года он писал в Париж "Софи Попов": "Дорогой друг! От вас еще нет весточки. Не знаем, как доехали и как поживаете... Имеем некоторые хорошие вести с родины".¹

Употребленные здесь глаголы "не знаем" и "имеем" отражали объективную реальность, ибо Надежда Константиновна тоже переписывалась с Арманд. И какой родниковой чистотой веет от письма Владимира Ильича Инессе Федоровне от 15 января: "Сегодня великолепный солнечный день со снежком. После инфлюэнцы мы с женой первый раз гуляли по той дороге в Frauen-Kapellen, по которой - помните? - мы так чудесно прогулялись однажды **втроем**. Я все вспоминал и жалел, что Вас нет".²

А какой тревогой и заботой о своем посланце проникнута ленинская открытка от 19 января, которую на сей раз он написал по-французски, "чтобы цензорам облегчить работу, если они являются причиной опоздания писем... Если Вы обижены на меня, - продолжал Владимир Ильич, - Вы бы, вероятно, написали другим друзьям, но, насколько известно, Вы не пишете никому!"³

Можно представить, как радовались в Берне, когда, наконец-то, пришла открытка из Парижа. "Дорогой Владимир Ильич, - писала Арманд, - спасибо Вам за письмецо - оно меня очень успокоило и ободрило..., окончательно укрепило точку зрения, которую и я себе составила о характере работы, но немного колебалась. В общем живу хорошо. Устаю, правда, здорово утомляют дела... Ну, всего лучшего. Жму руку".⁴

К марту Инессе Федоровне удалось добиться присоединения к "циммервальдской левой" нескольких парижских молодежных, профсоюзных организаций, и Владимир Ильич 31 марта 1916 года спешит выразить свое глубокое удовлетворение: "Поздравляю от души с **успехом** и желаю такого же и еще большего впредь".

В апреле 1916 года "Софи Попов" возвращается в Берн и сразу же включается в работу Международной социалистической конференции в Кинтале, пропагандирует среди французских военнопленных и... обдумывает возможность поездки на несколько месяцев в Швецию, куда звали ее дети. Узнав об этом от жены, Владимир Ильич старался помочь осуществлению этого плана, но 7 июля 1916 года из Цюриха с сожалением сообщил Инессе Федоровне в Берн, что "паспорта Надины (т.е. документы, которые доставала НК. Крупская для Арманд. - Ж. Т.) совершенно не годятся".⁵

Этим летом "никак не могла утихомириться базедка" Надежды Константиновны, и по предписанию врачей, она с Владимиром Ильичом выехала на полтора месяца в высокогорный пансионат неподалеку от Цюриха. Арманд подлечивала свое здо-

¹ Ленин В.И. ПСС, т. 49, с. 173.

² Там же, с. 174. (Подчеркнуто мной. - Ж. Т.)

³ Там же, т. 49, с. 175.

⁴ Воспоминания о В.И. Ленине, т. 2, с. 205.

⁵ Ленин В.И. ПСС, т. 49, с. 261.

ровые в других горных местах, и там тоже занималась партийными делами, выполняла поручения и просьбы Владимира Ильича. Переписка между ними велась, но принимала еще более официальный характер, и вместо "Ваш Ленин" в конце открытки стояло "Жму руку. Ленин", "Ленин", "В. Ленин".¹

Это временное охлаждение, судя по воспоминаниям И.Ф. Попова, тесно общавшегося в 1916 году с И. Арманд, возникло в связи с разногласиями по вопросу о защите отечества. Они оба полагали, что его надо защищать, а Ленин, мол, "слишком далеко идет". Однако Инесса Федоровна все-таки написала Владимиру Ильичу о своих сомнениях. Когда же получила ответ, то заявила Попову: "Уходи... Вся эта жизнь не для тебя. Пиши книги и люби жизнь, если сможешь. А мне отступать некуда".²

Восстановление идейного единства сказалось и на тональности переписки. Сообщая 21 октября 1916 года из Цюриха в Зёренберг о получении "брошюры об империализме" и "длинного письма", Владимир Ильич после "спасибо большого" сделал дружескую приписку в открытке: "Надя занята съездом Лиги, просит кланяться. Вчера она послала Вам длинное письмо. Не сидите в Зёренберге: замрзнете и простудитесь. Всяческие приветы! Ваш Ленин".³

Инесса Федоровна все же осталась в Зёренберге аж до конца ноября и перевалила там на французский присланные им статьи, читала книги, которые по ее просьбе он брал в цюрихской библиотеке и присылал по почте.⁴

Из Зёренберга Арманд переехала в Кларан - курортное местечко на берегу Женевского озера с мягким климатом, рекомендованный врачами для "грудных больных". Сюда Владимир Ильич отправил из Цюриха за три с лишним месяца 36 писем, открыток и телеграмм. Основное место в корреспонденции занимали злободневные вопросы войны, мира, революции и текущей партийной работы. Общий тон всех его посланий - очень доброжелательный и в целом вполне характеризуется, скажем, концовкой письма к старому и проверенному другу, относящегося к началу 1917 года: "Жму крепко, крепко, крепко руку и желаю бодрости и всего наилучшего на новый год. Ваш Ленин".⁵

Когда же в письмах Инессы Федоровны звучали нотки пессимизма, он настойчиво советовал ей "съездить куда-либо хоть на время, хоть с рефератами или иначе, чтобы встряхнуться и уйти в занятие, захватывающее и полезное для новых и свежих людей".⁶

Об абсолютном доверии, которое питал Ленин к Арманд, как к надежнейшему партийному товарищу, красноречиво свидетельствует записка от 16 января 1917 года в связи с опасностью того, что Швейцария будет втянута в войну и французы займут Женеву: "Тогда быть в Женеве - значит быть во Франции и отсюда иметь сношения с Россией. Поэтому партийную кассу я думаю сдать Вам (чтобы Вы носили ее на себе, в мешочке, сшитом для сего, ибо из банка не выдадут во время войны)... Это только планы, пока между нами".⁷

Когда же Арманд допускала теоретические промахи, Ленин и с нее взыскивал по самой строгой мерке. "Ваши нападки на Энгельса, - писал он 19 января, - по моему убеждению, верх неосновательности. Извините за откровенность: надо много посерьезнее подготовиться, прежде чем так писать! Иначе осрамиться легко

¹ Ленин В.И. ПСС, т. 49, с. 263, 268, 295.

² Неделя, 1991, № 48, с. 15.

³ Ленин В.И. ПСС, т. 49, с. 311.

⁴ Там же, с. 326, 328.

⁵ Там же, с. 356.

⁶ Там же, с. 363.

⁷ Там же, с. 367.

- предупреждаю entre nous (между нами. - Ж.Т.), по-дружески, с глазу на глаз, на случай, что Вы когда-либо в печати или на собрании так заговорите".¹

Из этого и дальнейшей писем видно, что Инесса Федоровна, как и большинство социал-демократов Европы, порою схоластически трактовала высказывания Ф. Энгельса относительно проблемы защиты отечества для пролетариев и склонялась к оправданию продолжения империалистической войны, ибо немцы "наших бьют". Для того чтобы внести ясность в полемику, Ленин заявляет в письме от 30 января: "Я все еще "влюблен" в Маркса и Энгельса, и никакой хулы на них выносить не могу спокойно. Нет, это - настоящие люди! У них надо учиться. С этой почвы мы не должны сходить. С этой почвы сошли социал-шовинисты...".²

И все-таки, несмотря на отдельные промахи в теории, Арманд внесла весомый вклад в дело интернационального сплочения женщин-социалисток и социалистической молодежи Европы и, по заявлению Н.К. Крупской, в годы мировой войны шла "в первых рядах борцов против II Интернационала, против вождей, изменивших делу рабочего класса. Она была правой рукой Ильича, в его борьбе на международном фронте, принимала самое активное участие в выработке всех резолюций, переводах на английский и французский языки, вела переписку, завязывала связи".³

Мы-то знаем, что "правой рукой" Владимира Ильича, как и предыдущие два десятилетия, являлась сама Надежда Константиновна. И тем важнее другое - высокая оценка политической деятельности Инессы Федоровны из уст жены Ленина. Для нее Арманд тоже всегда была близким и верным товарищем в многотрудной борьбе за светлое будущее человечества. Но их всех троих еще теснее связывали думы о России, где явственно назревали бурные события, и по получении вестей оттуда сразу же начинался обмен мнениями.

"Дорогой друг! - пишет Владимир Ильич 19 февраля 1917 года из Цюриха в Кларан Инессе Федоровне. - Получили мы на днях отрадное письмо из Москвы (вскоре пошлем Вам копию...). Пишут, что настроение масс хорошее, что шовинизм явно идет на убыль и что наверное будет на нашей улице праздник".⁴ Когда же связь с родиной прерывалась, Владимир Ильич извещал Арманд: "Из России нет ничего, даже писем!! Налаживаем через Скандинавию".⁵

2 (15) марта 1917 года, когда в Цюрих поступило радостное известие, что в Петрограде свергнуто самодержавие, Владимир Ильич немедленно оповещает об этом Инессу Федоровну и делится сокровенным: "Я вне себя, что не могу поехать в Скандинавию!! (чтобы оттуда перебраться в Россию. - Ж.Т.). Не прошу себе, что не рискнул ехать в 1915 г.!"⁶

Да, после свершения Февральской революции Ленин весь в думах о том, как можно скорее вернуться на родину. Когда же узнал, что Временное правительство обещает амнистию по политическим и религиозным делам, сразу же делится новостью с Арманд: "Мечтаем все о поездке, - писал он 18 марта в Кларан, имея в виду возвращение в Россию. - Если едете домой, заезжайте сначала к нам. Поговорим. Я бы очень хотел дать Вам поручение в Англии узнать тихонечко и верно, мог ли бы я проехать".⁷

Но Инесса Федоровна отказалась от плана возвращения через Англию, а в начале апреля, благодаря посредничеству швейцарского социал-демократа Ф.

¹ Ленин В.И. ПСС, т. 49, с. 369.

² Там же, с. 378

³ Женщины русской революции. М., 1982, с. 81. (Подчеркнуто мной. - Ж.Т.)

⁴ Ленин В.И. ПСС, т. 49, с. 390.

⁵ Там же, с. 398.

⁶ Там же, с. 399.

⁷ Там же, с. 403.

Платтена, русским политэмигрантам был разрешен проезд на родину через Германию в особом вагоне. И Владимир Ильич тут же пишет Арманд: "В среду мы едем - надеюсь, вместе с Вами... Тысяча приветов".¹

30 марта (12 апреля) 1917 года 30 отъезжающих в Россию большевиков собрались в Цюрихе и после прощального обеда отправились в путь через Германию, Швецию и Финляндию. 3 апреля, преодолев различного рода трудности, политэмигранты прибыли в Питер, где на площади перед Финляндским вокзалом их восторженно приветствовало людское море, с транспарантами и красными знаменами.

Инесса Арманд, находившаяся во время переезда рядом с В.И. Лениным и Н.К. Крупской, разделив с ними первые радости возвращения на родину, вскоре отправилась в Москву, к своим детям, по которым так соскучилась за годы войны. В первопрестольной она довольно быстро освоилась и на Всероссийскую конференцию (24-29 апреля) прибыла в Петроград с мандатом от московских большевиков. Апрельские тезисы Владимира Ильича она полностью разделила и по возвращении в Москву пропагандировала их перед трудящимися, завоевав популярность оратора и лектора.

Летом она избирается гласным Московской городской думы, а также членом исполкома городского комитета большевиков. С успехом, под псевдонимом Елена Блонина, Арманд выступает как публицист в печати. После победы Октября она до января 1918 года работала в Петрограде в качестве лектора-докладчика ЦК партии, а затем возвратилась в Москву, где с апреля возглавила работу губисполкома и губсовнархоза.

Выполняя поручение Ленина, Арманд организует в столице французскую группу коммунистов со своим печатным органом. В начале февраля, опять не без веденя председателя Совнаркома, Инесса Федоровна в составе миссии Всероссийского Общества Красного Креста направляется во Францию, чтобы оказать содействие русским воинам в возвращении в Советскую Россию. Перед отъездом за рубежом она посылает старшей дочери Инне из Петрограда в Москву письмо, в которое вкладывает еще три: для сыновей Александра (большевика, служившего тогда в Красной Армии) и Федора (летчика-наблюдателя Красной Армии), а также для Ленина. "О последнем пусть знаешь **только ты**, - поясняла она дочери. - Письма первое и второе передай немедленно, а письмо 3-е **пока оставь у себя**. Когда мы вернемся, я его разорву. Если же что со мной случится (не говорю это потому, что считаю, что в моем путешествии есть какая-либо особая опасность, но в дороге, конечно, всякое может быть, одним словом, на всякий случай), **тогда передай это письмо Вл. Ил.** Лично ему. Передать можно таким образом: зайти в "Правду", там сидит Мария Ильинична, и передашь это письмо и скажешь, что это письмо от меня и **лично** для В.И. А пока держи письмо у себя".³

О содержании его ничего неизвестно, ибо в середине мая 1919 года Инесса Федоровна, хотя и не без тревожений, вернулась из Франции в Москву и, наверное, сразу же уничтожила письмо. Зато личные связи как самой, так и ее дочерей с семьей Ульяновых, напротив, стали прочнее. "В конце 1919 г., - вспоминала Надежда Константиновна, - к нам часто стала приходиться Инесса Арманд, с которой Ильич особенно любил говорить о перспективах движения. У Инессы старшая дочь уже побывала на фронте, чуть не погибла во время взрыва 25 сентября в Леонтьевском переулке. Помню, как Инесса пришла к нам однажды с младшей дочерью Варей...

¹ Ленин В.И. ПСС, т.49, с. 425.

² Подьяшук П. Товарищ Инесса, с.174.

³ Свободная мысль, 1992, № 3, с. 83.

◆ Поронин. Белый Дунаец. Дом, в котором В.И. Ленин и Н.К. Крупская жили в 1915-1916 годах.

◆ Старшая дочь И.Ф. Арманд Инна Александровна в Ульяновском Доме-музее В.И. Ленина.
19 июня 1968 года.

И Ильич при них, как я по старинке выражалась, "полки разводил"; помню я, как поблескивали глаза у Варюшки".¹

Ради светлого будущего они все трудились, не жалея своих сил и здоровья, жертвуя во имя интересов общества своей личной жизнью, лишая себя даже права на полноценный отдых. И только что-то из ряда вон выходящее заставляло на какое-то время прервать лечение народу. Так случилось в августе 1920 года, когда серьезно захворал младший сын Инессы Федоровны 17-летний Андруша.

Врачи рекомендовали Кисловодск или какой-нибудь другой горный курорт на Кавказе. Узнав об этом, Владимир Ильич обратился в управление курортами и санаториями с просьбой помочь в устройстве И.Ф. Арманд с сыном. Для страховки он обратился и к Сергею Орджоникидзе (члену Реввоенсовета Кавказского фронта), чтобы тот в случае возникновения опасного положения эвакуировал Инессу Федоровну с сыном в горы около Каспийского побережья.

До Кисловодска они добрались благополучно, но напряженная работа, без отпусков и выходных, и тяготы последних трех с лишним лет резко ослабили здоровье самой Инессы Федоровны. Нервы тоже сдали, и она большею частью стремилась к уединению и чтению в своей комнате. "Горячее чувство, - писала она в дневнике 1 сентября 1920 года, - осталось только к детям и к В.И. Во всех других отношениях сердце как будто бы вымерло. Как будто бы, отдав все свои силы, всю свою страсть В.И. и делу работы, в нем истощились все источники любви, сочувствия к людям, которым оно раньше было так богато. У меня нет, за исключением В.И. и детей моих, каких-либо личных отношений с людьми, а только деловые".

Через десять дней, размышляя под впечатлением прочитанного романа о значении любви в человеческой жизни, Инесса Федоровна отметила в дневнике, что еще недавно она, подобно романтикам, была близка к представлению о первостепенной роли любви в жизни человека. "Правда, - оговаривается она, - для меня любовь никогда не была единственной. Наряду с любовью было общественное дело. И в моей жизни, и в прошлом было немало случаев, когда ради дела я жертвовала своим счастьем и своей любовью".²

Спустя неделю, ввиду явной угрозы окружения Кисловодска белыми, Инесса Федоровна вместе с сыном и другими больными была эвакуирована, а через четыре дня пути, в Нальчике, она заболела холерой и скоропостижно скончалась. Смерть сразила пламенную революционерку Инессу Арманд 24 сентября 1920 года, на 47-м году жизни.

Когда страшная весть достигла Москвы, Надежда Константиновна в тот же день написала некролог для "Правды", в котором, выражая, очевидно, скорбь и Владимир Ильича, заявила: "Из семьи коммунистов ушел неустанный работник, беззаветно преданный делу, ушел человек с горячим сердцем, искренний, умный. Мы похороним его под Красной (Кремлевской. - Ж.Т.) стеной".

12 октября в Дом союзов, где был установлен цинковый гроб с телом усопшей, пришли проститься ее товарищи по партийной и советской работе, французские коммунисты, представительницы различных городов. У гроба выделялся большой венок из живых цветов с надписью на траурной ленте: "Тов. Инессе - от В.И. Ленина".

Это лаконичное посвящение говорило очень о многом. Прежде всего оно свидетельствовало о скромности Надежды Константиновны, для которой Инесса, по

¹ Воспоминания о В.И. Ленине, т. 2, с. 353.

² Ленин В.И. ПСС, т.51, с. 262.

³ Свободная мысль, 1992, № 3, с. 83.

⁴ Там же, с. 85.

словом Клары Цеткин, была одним из "самых близких друзей", но, тем не менее, она не считала уместным ставить свое имя рядом с председателем Совнаркома РСФСР. В то же время, если бы такой пронзительный человек, как Владимир Ильич, чувствовал за собой какой-то моральный "грех" и что своей одиночкой подписью может дать хоть какой-то повод для пересудов, то, наверное, воспользовался бы прекрасной возможностью на всякий случай закамуфлировать свои отношения с Арманд двумя подписями - своей и жены, что всеми было бы принято как само собой разумеющееся, ибо Н.К. Крупская была не просто женой Ильича, а сама была известным партийным деятелем, близким соратником и товарищем И. Арманд.

И ТАК, все версии относительно ребенка Инессы Федоровны якобы от Ленина не имеют под собой никакого документального обоснования и являются либо обывательскими байками, либо злонамеренными "утками", распространяемыми для того, чтобы хоть как-нибудь опорочить имя основателя Коммунистической партии и главу Советского правительства.

Если "отцовство" Владимира Ильича опровергается довольно легко, то проверка истинности легенды о существовании любовного треугольника Ленин - Крупская - Арманд - проблема весьма сложная и деликатная. Тайна полностью могла бы быть раскрыта только в том случае, если бы нам была известна вся переписка между ними, особенно 1913-1914 годов.

Что-то мог прояснить в свое время Иван Федорович Попов, который тесно общался с Владимиром Ильичом, Надеждой Константиновной и Инессой Федоровной по партийным делам в Париже, Брюсселе, Берне. В 1953 году к нему обращалась дочь близкого знакомого 17-летняя Лариса Васильева, впоследствии известная поэтесса. Будучи наслышанной о каких-то особых отношениях Арманд с Лениным, она попросила Попова высказать свое мнение относительно этого "романа", и тот ответил: "Упаси Бог! Она любила его как своего учителя. Она поверила Ленину, как никому. Пошла за ним. Сначала заочно. Потом рядом". Подтверждения версии о "романе" не получил юный интервьюер и при обращении к биографу Крупской, которая решительно отвергла всякую возможность любовного треугольника: "Надежда Константиновна была очень гордый человек, она бы не потерпела, она ушла бы, она не стала бы мешать их любви".

И все-таки если "треугольник" какое-то время и существовал, то вовсе не в том виде, как это представляется любителям "клубнички". Все сказанное выше свидетельствует, в первую очередь, о глубоком взаимопонимании и единстве целей в борьбе за высокие общественные идеалы, перед которой все остальное, даже близкое сердцу, отодвигается на задний план.

Естественная же влюбленность И. Арманд по отношению к Ленину, как эрудированнейшему из всего окружения человеку, стойкому, смелому и талантливому лидеру большевиков, прорвавшаяся в какой-то период ее жизни и как чисто "женское" чувство к нему, как к мужчине, по всей видимости, так и осталась где-то глубоко в душе, так сказать, невестребованной.

В свою очередь ум, энергия, одушевленность благородными идеалами, смелость, настойчивость в достижении общественных целей и, наряду с этим, женское обаяние не оставляли равнодушными окружавших Инессу Федоровну товарищей. Это понимали и близкие Владимиру Ильичу женщины - жена и теща. Они сами любили ее, принимали и теплое отношение к ней и Владимира Ильича.

И при всей, казалось бы, сложности положения Владимир Ильич, как представляется по его письмам, сумел избежать искушений судьбы, установив раз и навсегда

¹ Неделя, 1991, № 48, с. 14.

единственно приемлемые для порядочных людей границы взаимоотношений с И. Арманд, оставаясь для нее до конца не только учителем и соратником, но и очень близким, внимательным и преданным другом.

В отношении же Н.К. Крупской факты позволяют сделать лишь такой вывод: благородство поведения Владимира Ильича и Инессы Федоровны не дали повода для отпечатка пресловутого "треугольника" в душе Надежды Константиновны: ее теплое отношение к Инессе Арманд как в первое время их общения, так и в периоды их наибольшего сближения, когда вышедшая из тюрьмы и бежавшая от преследований, пораженная чахоткой Инесса Федоровна нуждалась в заботе и помощи, а потом - и до конца ее жизни. Ничто не остановило и переписки двух женщин (это ли не факт против версии о соперничестве?). А теплота и нежность переписки Надежды Константиновны с осиротевшими детьми И. Арманд достойны восхищения и способны удивить самую любящую мать.

Троим, вошедшим в историю революции выдающимся людям, личные взаимоотношения которых волею судьбы попали под увеличительное стекло, в которое устремились взоры многих посторонних, ничто человеческое не было чуждо. Однако даже при отсутствии всей переписки (которая, кстати, имеет право на свою тайну), факты говорят о безусловной порядочности этих людей, сумевших сохранить в сложной жизненной ситуации по отношению друг к другу честность, доброту, благородство.

КОГДА МАТЕРИАЛ БРОШЮРЫ БЫЛ УЖЕ СВЕРСТАН

В августовском номере "Досье" (приложения "Литературной газеты") за 1992 год под сенсационным заголовком "Возлюбленная Ленина" напечатана статья бывшего члена научного совета Центрального музея В.И. Ленина, а ныне сочинителя небылиц про "кровожадного" и "аморального" Ленина, политического обозревателя "Демократической газеты" (ДПР), "эксперта парламентской комиссии по расследованию августовского переворота" А. Латышева.

Редакция "Досье" подала статью столь титулованного автора в рубрике "Интимная жизнь" и в традициях бульварной прессы крупным шрифтом выделила ошарашившее читателя уведомление автора: "Имелась версия, что Сталин угрожал Крупской в случае ее малейшего неповиновения объявить официальной женой вождя Инессу Арманд".

Нелепость этой версии очевидна для каждого здравомыслящего человека, хотя бы потому, что И. Арманд ушла из жизни в 1920 году, когда Сталин не мог еще и помышлять о каком бы то ни было давлении на супругу Ильича. Ничем не подтверждается нелепая версия и в статье: А. Латышев не говорит даже о том, когда она возникла, кто пустил ее в обиход и, таким образом, оказался заурядным распространителем сплетни.

Впрочем, высокопоставленный "эксперт" к фольклору подобного рода вообще не равнодушен. Кое-какие "жаренные" факты он почерпнул из мемуаров "Мои встречи с Лениным" Н. Валентинова. Первый из них гласит о том, что в 30-х годах в Париже вышла книжонка "Тайные любовные увлечения Ленина", освещавшая, мол, его интимные отношения с "некоей Елизаветой К. - дамой аристократического происхождения". Сам-то Валентинов не верил этой побасенке и считал, что Ленин "был глубоко увлечен, скажем, влюблен в Инессу Арманд - его компаньонку по большевистской партии. Влюблен, разумеется, по-своему, т.е., вероятно, поцелуй между разговором о предательстве меньшевиков и резолюцией, клеймящей капиталистических акул империализма".

Невооруженным глазом видна пошлость и надуманность подобных баек, но для А. Латышева все годится для оправдания заголовка своей статьи. Повторив широко известный факт о том, что Владимир Ильич в годы эмиграции вел интенсивную переписку с И. Арманд, он продолжает интриговать читателя: "...в секретном архиве Ленина хранится еще ряд неопубликованных писем". В подтверждение приводится начало из неопубликованного письма Владимира Ильича от 25 июля 1914 года: "Мой дорогой и самый дорогой друг, наилучшие приветствия в связи с приближающейся революцией в России". Интересно,

комментирует А. Латышев, что в этом письме он обращается к Арманд то на "ты", то на "вы". С началом же первой мировой войны он обращается в письмах к Арманд только на "вы".

Автор ломится в открытую дверь любой читатель, полистав 48-й и 49-й тома Полного собрания сочинений В.И. Ленина, сам сразу убедится в том, когда Владимир Ильич обращался к Инессе Федоровне на "ты" и на "вы", а вот что же такое, подтверждающее "интимный характер" отношений между ними, содержалось в цитируемом письме, "эксперт" не говорит и поэтому ни на йоту не приблизил нас к постижению заранее разрекламированной интриги. Сознывая это, А. Латышев уныло констатирует: "Не найдены письма Ленина к Арманд периода их близких отношений, которые, по-видимому, имели место короткое время осенью 1913 года. Очевидно, эти письма безвозвратно потеряны".

Если учесть, что "осенью 1913 года" Н. Валентинов не встречался с Лениным и Арманд, а переписки, якобы свидетельствующей о "близких отношениях" между ними, никто, включая и А. Латышева, и в глаза-то не видел, то естественно возникают вопросы: к чему было забивать читателю голову смехотворной версией о сталинских угрозах Крупской объявить Арманд "официальной женой вождя" и есть ли вообще документальная основа для появления с претензией на сенсацию статьи "Возлюбленная Ленина".

Однако А. Латышев, как ни в чем не бывало, бодро пытается доказать "грехопадение вождя" с помощью еще одной купюры из его неопубликованного письма к И. Арманд, датированное началом июля 1914 года: "Пожалуйста, привези, когда приедешь (т.е. привези с собой), все наши письма (посылать их заказным сюда неудобно: заказное письмо может быть весьма легко вскрыто друзьями. И так далее...). Пожалуйста, привези все письма, приезжай сама и мы поговорим об этом". Современный нет, самодовольно и с хитрой улыбкой замечает автор-обличитель, Ленин просил вернуть его письма не для публикации их, а для уничтожения".

Вместо того чтобы ерничать над чужой сугубо личной перепиской, А. Латышеву полезнее было бы серьезно призадуматься над тем, о чем он пишет. Ведь в июле 1914 года Владимир Ильич и Надежда Константиновна обитали в польском Поронине, а Арманд со своими детьми отдыхала в Лавране, на побережье Адриатики. Так вот именно в эти дни Владимир Ильич настойчиво просил Инессу Федоровну, оставив на несколько дней детей, съездить в Брюссель и выступить там вместо него с докладом ЦК партии большевиков на "Объединительной" конференции, созываемой исполкомом Международного социалистического бюро. Она с успехом выполнила это важное поручение, но в Поронине-то не приезжала, а следовательно, никаких писем Ленину для "уничтожения" не привозила.

Зато из переписки Владимира Ильича с другими участниками конференции ясно видно, что же именно он с таким нетерпением ожидал получить из Брюсселя. Так, в письме к И.Ф. Попову он просил: "Все документы, кои вам пришлют из Парижа, Питера и др., сберегите сугубо для работ ваших на конференции и потом верните мне аккуратно... Самая главная обязанность Ваша и Владимирского (Инесса - оратор по-французски) - записать как можно точнее все происходящее, особенно Каутского и прислать доклад о сем в ЦК"¹ Да и в письме к Инессе Федоровне от 13 июля, приложенном к очередной порции материалов к выступлениям на конференции, Ленин просил: "Сберегите все и потом верните"².

При этом, конечно, имелось в виду, что пересылка будет производиться с оказией, а не по казенной почте, ибо Владимир Ильич уже обращал внимание Арманд

¹ Ленин В.И. ПСС. т. 48, с. 306, 307

² Там же, с. 317.

на случай задержки и пропажи своей корреспонденции на почте, как, впрочем, и вообще "писем русских эмигрантов", которые попадают "на прочтение полиции"¹.

Но автор упорно держится надуманной версии о "возлюбленной Ленина" и, забыв о своем же заявлении, что переписка 1913 года пропала, в конце статьи говорит о наличии таких писем в "секретном фонде" Ленина. "Вот выдержка из письма Инессы Арманд к Ленину в декабре 1913 г.: "Дорогой, я бы и сейчас обошлась без поцелуев, только бы видеть тебя, иногда говорить с тобой было бы радостью - и это никому бы не могло причинить боль. Зачем было меня этого лишать? Ты спрашиваешь, сержусь ли я за то, что ты "провел" расставание. Нет, я думаю, что ты это сделал не ради себя".

"Инесса Арманд права, - заключает статью А. Латышев. - Конечно, только ради революции оставил Ленин любимую женщину. Только ради нее, еще более любимую".

Концовка статьи, на первый взгляд, кажется эффектной. На деле же это как раз тот случай, когда, перефразируя известную пословицу, можно сказать, что иронизирует то, кто иронизирует последним. Латышев продемонстрировал непонимание расставания, "проведенного" Владимиром Ильичом. Ведь он и Надежда Константиновна проводили Инессу Федоровну, страдавшую болезнью легких, из Польши на лечение в высокогорное швейцарское местечко Зеренберг, а она, по своей воле, перекочевала в Париж. Это было похоже на бегство в надежде, что время и расставание ослабят глубокие и чистые чувства, которые она питала к Владимиру Ильичу.

Строго говоря, если он проявил твердость в том, чтобы и впредь дружеские отношения обходились без "поцелуев", то Инесса Федоровна пошла дальше - переехала работать в другую страну. Тем не менее для нее Владимир Ильич был и навсегда остался в душе любимым человеком. Но ни у кого, в том числе и А. Латышева, выискивающего в чужих, сугубо личных письмах нечто, пахнущее "клубничкой", нет никаких оснований именовать И. Арманд "любимой женщиной" и "возлюбленной" Ленина. А вот в революцию они были влюблены все тое - Ленин, Крупская, Арманд, - и можно только восхищаться тем, что многое в личной жизни у них было подчинено великой цели.

¹ Ленин В.И. ПСС, т. 48, с. 281.

ББК 87.135.2
Г76

Г76 Ж. Трофимов
Ленин - Крупская - Арманд - любовный треугольник? - г. Ульяновск,
"Народная газета". 1993 г. - 32 с.

ISBN 5-88504-003-6

ББК.87.135.2

Оформление художника Д. Белоусова.